

МАРИНА ЕФРЕМНЮК

ЦВЕТОЧНОЕ НЕДОРАЗУМЕННИЕ

Annotation

Виолу Фэйр, выпускницу пансиона, от самостоятельной жизни отделяет один шаг. Вернее, один человек: опекун Ричард Ховард. Он хозяин издательского дома, привык читать людей как открытую книгу и точно знает, что надо юной леди, увлеченной составлением букетов. И это точно не собственная цветочная лавка! Тогда Виола идет на хитрость...

-
- [Марина Ефиминюк](#)

-

Марина Ефиминюк

Цветочное недоразумение

Приемная Ричарда Ховарда, хозяина издательского дома «Ховард и сын», оказалась безнадежно пуста. За большим рабочим столом стоял стул, а секретаря не было. Я тоже стояла. В помятом дорожном платье, с саквояжем в одной руке и с букетом в коричневой бумаге – в другой. И решительно планировала покончить с опекуном!

В смысле, расстаться с ним.

Ой!

Потребовать отказаться от меня...

Попросить!

Ну, вы поняли.

Опекунство надо мной Ричарду Ховарду досталось по завещанию от отца. Вместе с издательским домом, типографией и книжными магазинчиками. В общем, я была не самой важной частью наследства. Да и не самой благородной, будем честны. Пусть и окончила пансион для магически одаренных девиц из хороших семей.

Но благородную из меня почти сделали. За десять-то лет! Ладно... Старались сделать. Они, в пансионе, не виноваты, что ботаника мне всегда нравилась больше уроков хороших манер. Пять дней назад я выпустилась, решительно настроилась забрать оставшиеся от моих родителей золотые и открыть цветочную лавку. Каждая цветочная фея о такой мечтает!

Заставив меня восторгнуться, открылась дверь кабинета. В приемную вышел худощавый темноволосый мужчина в строгом костюме. Он на ходу изучал бумаги, но резко поднял голову и остановился.

В карих глазах не мелькнуло ни проблеска узнавания. Похоже, с памятью у людей в столь почтенном возрасте совсем плохо. Все-таки тридцать с лишним лет! Но сам-то опекун держался молодцом: в густых волосах ни одного седого волоска, а взгляд острый.

– Здравствуйте, господин Ховард! – звонко поздоровалась я.

Мы виделись три года назад на похоронах его уважаемого отца. Тогда я собрала букет в знак искренних соболезнований: хризантемы,

бархатцы и мята, перевязанные черной лентой. Прощальный подарок замечательному человеку, который много лет оплачивал осиротевшей дочери своего бывшего садовника приличный пансион и берёг для нее небольшое родительское наследство. Ричард тогда спросил, кто возложил чайный набор. Дескать, его отец всегда любил кофе...

– Я Виола, – напомнила опекуну и сунула букет ему под нос: – Это Вам.

В недоумении он посмотрел внутрь оберточной бумаги.

– Что это?

– Букет из первоцвета и веточек боярышника. – охотно пояснила я. – Символ надежды на новые перспективы.

Он уже понял тонкий намек, какие именно я питаю надежды или нет?

Похоже, что понял, раз не торопился забирать подарок. Между прочим, несчастные цветочки целую ночь вместе со мной тряслись в почтовой карете под храп соседа и заслужили быть принятыми с благодарностью. Бедняжки измучились и только на магии продержались!

– Безмерно рад, что вы вдумчиво подошли к своему появлению, но больше не опаздывайте к началу рабочего дня.

– Простите, господин Ховард! – искренне извинилась я, хотя понятия не имела, что опоздала. – Заблудилась возле вокзала и села на омнибус в другую сторону...

– Перепишите! – он сунул мне стопку листов.

От неожиданности я выпустила ручку саквояжа, отчего тот кулем плюхнулся под ноги, и подхватила измятые странички. Это что, какой-то экзамен на самостоятельность?

– Но, господин Ховард, я пишу до ужаса неразборчиво, – посчитала необходимым предупредить, что мой почерк далек от идеала.

– Принесете мне через час, – проигнорировал он все предупреждения и вернулся кабинет.

– И с ошибками!

Дверь категорично захлопнулась. Я моргнула и, постояв столбом еще чуточку, растерянно оглядела пустующее секретарское место. Саквояж отправился в ноги под стол, измученный букет лег на подоконник, а я закатала рукава, поправила стопку чистой писчей

бумаги и сняла с чернильницы крышечку. В воздухе запахло медовыми чернилами...

Через час напряженной работы была поставлена последняя точка. Размяв шею, я посмотрела на дело рук своих. Гордиться, прямо сказать, было особенно нечем. Шаблона с линейками нам с этим странным текстом о книге про призраков явно не доставало. Строчки разбегались, хвостики лихо закручивались в разные стороны.

– А я предупреждала, – пробормотала себе под нос.

Со стопкой исписанных листов я осторожно постучалась к опекуну.

– Входите, Виола! – раздался категорический голос резкого, как сигнал медной трубы, Ховарда.

Я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Его кабинет оказался светлым и похожим на музей. На стене в золотых рамках висели благодарственные письма, в книжных шкафах, как на выставке, развернутые обложками стояли разные книги. Сам опекун восседал в кресле за огромным письменным столом и читал какой-то буклет.

– Закончили? – он оторвался от чтения и бросил на меня ужасно раздраженный взгляд. – Давайте.

Едва листы попали ему в руки, как карие глаза округлились от удивления:

– Вы шифровали записи?

– Я говорила, что у меня неразборчивый почерк, – заметила я.

– Переписать! – Он швырнул стопку на стол.

– Еще раз?! – В искреннем ужасе отшатнувшись, я прижала руку к кольнувшему сердцу. Никак, началась аллергия на чистописание. – Господин Ховард, это лучшее на что я способна!

– Выходит, Виола, вы ни на что не способны?

А вопрос-то с подвохом! Учítывая, что я собиралась заявить, дескать, совсем взрослая и не нуждаюсь в опекуне.

– Перепишу еще раз.

В приемной неожиданно обнаружилась кудрявая девушка со строгими очками на носу и в траурном черном платье, застегнутом до самого подбородка. Она прижимала к груди завернутый в почтовую бумагу увесистый сверток и выглядела крайне нервной.

– Вы помощница господина Ховарда? – ринулась она ко мне.

– Подопечная.

– Он у себя? Могу я к нему зайти?

С недоумением я оглянулась на закрытую дверь кабинета и пожала плечами:

– Идите.

– Что... правда?! – натуральным образом опешила она. – Прямо вот так запросто могу войти?

– Да, – кивнула я, но ради женской солидарности все-таки предупредила: – но вы поосторожнее: настроение у господина Ховарда, скажу вам, паршивое.

Она помахала ладошкой перед горящим лицом и пробормотала:

– Помогите мне Великий! Наконец-то я к нему прорвалась!

Взяв себя в руки, визитерша решительно выдохнула, пересекла приемную и тихонечко поскреблась в дверь, словно к порогу решимость подрастеряла. Не дождавшись разрешения войти, она скользнула внутрь. Тяжелая дверь начала медленно раскрываться.

– Доброе утро, господин Ховард! Меня зовут Прицилла Алеф! Я принесла вам свой роман! – на одном дыхании выпалила гостья.

Молчание со стороны опекуна показалось столь красноречивым, что дурак бы понял: писателям вход в этот кабинет был строго воспрещен. Вплоть до сегодняшнего утра.

Кто же знал, что девушка – не просто какая-то девушка со свертком? Я же никогда не видела настоящих живых писателей. Мертвых, понятно, тоже. Оказывается, они ничем не отличаются от обычных людей. Так хорошо маскируются!

– А это должно быть... – между тем прозвучал голос опекуна, говорившего с подозрительной вкрадчивостью.

– Вы правы: моя рукопись! – воскликнула госпожа Алеф.

Похоже, он не злился. Я смущенно присела на самый краешек стула. Понятно, что разместиться с комфортом никто не запрещал, но казалось, будто теперь комфорт – незаслуженная привилегия и непременно надо сделать господину Ховарду что-нибудь хорошее, чтобы ее вернуть. Принести нюхательных солей, воды, успокоительных капель... яду. Или просто тринадцать раз начисто переписать этот странный текст. Знаете, как письмо счастья, которое по ночам тихонько бросают в почтовый ящик соседей?

– Называется «Веселые будни в сельской глуши», – продолжала визитерша. – Вы не пожалеете, господин Ховард, если возьмете мой

роман в публикацию! Понимаете?

– Пока нет, – честно признался он. – О чем ваш роман?

– Комедия с положений о сельских буднях! Абсолютно оригинальная, свежая идея. В моей книге не какие-то там шаблонные персонажи. Знаете, как у нас любят писать: невеста с характером и суровый мужчина, которым не хватает недостатков или странного хобби? Нет! Мои герои не такие! Главный герой – хромой, одноглазый маг, потерявший магию, а главная героиня... Вы готовы?

– Я весь во внимании, – сухо отозвался Ховард.

– Женщина среднего возраста с надломленной душой, коллекционирующая полосатые носки и пережившая смерть любимого ручного дракончика! Вам нравятся ручные драконы?

– Терпеть не могу, – вздохнул он.

– А полосатые носки? – с надеждой уточнила писательница. – Все любят полосатые носки.

– Госпожа...

– Прицилла Алеф! Если что, это мое настоящее имя. Не какой-то там выдуманный псевдоним.

– Прицилла, – перешел Ричард на доверительный тон, – напомним: в каком жанре ваш роман?

– В комедийном.

– Прекрасно.

– Вы тоже считаете, что юмор – перспективное направление в литературе?

– Тут вы правы: юмор перспективен и любим... – Раздался тихий стук, словно он побарабанил пальцами по столу. – Вы что-нибудь слышали о книге Амалии Блум?

– Да кто же о ней не слышал? – в голосе писательницы зазвучали возмущенные интонации. – Ужаснейшая безвкусица с отвратительным названием. Я прочитала эту... «Порочную страсть», чтобы понимать, от каких книг следует держаться подальше. Вы знаете, что в ней есть картинки? Неприличные!

– Да, я сам выбирал эти иллюстрации.

– Но это же эротика ради эротики! – воскликнула писательница. – У героев вообще нет никаких шрамов!

– Вот именно! – Раздался щелчок пальцами. – Прекрасный пример, как автор понимает желания своих читательниц! А что

смешного в хромоногом, одноглазом маге и побитой жизнью любительнице ручных драконов? Шутить над ними грешно.

– Но...

– И несмешно.

Последовала долгая пауза, а потом вдруг странный звук, словно девица заквакала. Неожиданно стало ясно, что Прицилла Алеф рыдает.

– И что же мне сделать? – провыла она.

– Переписать.

– В смысле? – Похоже, писательница резко передумала плакать и поперхнулась от испуга. – Сколько глав?

– Все.

– С самого начала до самого конца? – ужаснулась она и напонила: – Я в первый-то раз эту книгу писала пять лет.

Бедняжка! Мне-то всего ничего переписывать, а у нее там целая пачка. За пять лет точно не одну сотню страниц накопаешь.

– Прекрасно! Встретимся с вами в этом же кабинете еще через пять лет. Удачи, госпожа Алеф, – без особых церемоний выставил он девушку за порог. – И рукопись тоже заберите.

Низко опустив голову и прижимая к груди пачку рукописных листов с надорванной упаковкой, писательница вылетела из кабинета, промчалась через приемную и выскочила в коридор.

Через некоторое время Ховард тоже вышел и на ходу рявкнул:

– Виола, идем!

Спрашивать, куда меня поведет раздраженный опекун, постеснялась. Может, наконец решил накормить. Есть, признаться, очень хотелось. С ночи, кроме булочки с изюмом, во рту больше ничего не было. Еще чуток погрызла лакированный кончик пера, пока сидела в приемной, но исключительно случайно. По дурной привычке.

– Иду! – обрадовалась я и нырнула под стол за саквояжем.

Правда, когда выныривала на поверхность, так ударила затылком о крышку, что с чернильницы со звоном свалилась крышечка, а перед глазами поплыли звездочки.

– Что вы делаете? – раздался сдержанный вопрос.

– Достая свои вещи, – потирая ушибленную голову, простонала я.

– Вы потащите сумку с собой? – Ховард недоуменно выгнул брови. – Позвольте спросить: зачем?

– Вдруг ее украдут? Или дверь кабинета запирается на замок? – вконец уточнила я.

У опекуна сделался такой вид, словно ему очень больно отдавили ногу высоким каблуком. Без лишних комментариев с его стороны, я засунула сумку обратно, аккуратно подпихнула ее носом туфли и, пригладив ладонью торчащие в разные стороны темные волосы, боком вышла из-за стола.

– Я готова, господин Ховард.

Но никто не способен подготовиться к длинному изнурительному дню в издательском доме «Ховард и сын»! Мы не собирались обедать, как требовал организм, здравый смысл и, будем честны, законы гостеприимства, а отправились любоваться на акварельные картинки к какой-то книге (скверные, перепутали садовые ромашки и астры).

Еще мне вручили блокнот для записей, чтобы все слова опекуна были законспектированы. Слышала как-то, что за его величеством Карлом Фердинандом Пармиинским личный писарь тоже записывал каждый звук. Я делала как тот писарь, но плохим почерком... Пока не потеряла блокнот где-то между этажами. Вместе с ручкой с золотым пером. Понятия не имею, куда они делись. Семь раз перед Ричардом извинилась – возможно, ручка и блокнот были ему дороги.

А после путешествия по зданию издательского дома, закончившегося неловкой потерей, из цветочной феи мне пришлось превратиться в злобную гаргулью и защищать грудью дверь в кабинет опекуна. К нему пыталась прорваться дама с ручным драконом. Дракон шипел, мадам тоже шипела и почти выпускала дым из ноздрей. Было страшно, но дверь я отстояла!

Потом оказалось, что именно эту визитершу Ховард очень ждал. Мне пришлось скакать за ней с извинениями и повядшим без водички «символом надежды на новые перспективы». Дама попыталась символ вышвырнуть, а цветочки, между прочим, такого жестокого обращения не заслужили! Цветочная фея тоже не заслужила и вспомнила, что она, конечно, за десять лет в пансионе получила налет благородности, но совсем благородной не сделалась. В общем, лазейка для дурного поведения оставалась...

Ричард Ховард рвал и метал. Мысленно. В смысле, он так грозно и напряженно смотрел в окно, что было странно, как ему еще не свело шею. Я прижимала к груди спасенный букет в изодранной бумаге. Из

прорехи вылезала колючая лапка боярышника и доверчиво цеплялась за рукав платья с перепачканным чернилами белым манжетом.

Опекун развернулся и окатил меня тяжелым взглядом. На фоне большого окна его высокая фигура в темном костюме выглядела значительной и мрачной.

– Буду откровенным, Виола, – ледяным голосом, от какого по спине побежали мурашки, проговорил он. – Нам с вами не по пути!

В первую секунду я не поверила своим ушам: он меня отпускает? Вот так запросто?

– Правда?! – В голосе прозвучала почти неприличная радость. – Я могу прямо сегодня уйти?

– Сегодня? Сейчас! Вместе со всеми вещами.

От возбуждения я вскочила на ноги.

– Спасибо, господин Ховард! Огромное спасибо! Вы были прекрасным опекуном. Очень заботливым... Нет, вы, конечно, были не очень заботливым, но вовремя платить за пансион тоже своего рода забота. Так ведь? И я благодарна за хорошее отношение, но нам на самом деле пришло время разойтись в разные стороны...

По мере моей пламенной речи с Ричарда сходил гнев. Лицо медленно вытягивалось, в нем проявилось недоумение, быстро сменившееся удивлением. Он спрятал руки в карманы. Из-за этих нервирующих изменений к концу тирады я начала терять уверенность.

– ...И я хочу забрать родительское наследство. Не прямо сегодня, но лучше все-таки сегодня, – медленно произнесла я, приглядываясь к нему. – Почему вы так на меня смотрите?

Как на ростовщика, лично заявившегося выбивать долг! Может, у него деньги в дело вложены: в книжки с картинками, магазинчики с журналами, а я пришла требовать наследство?

– Виола Фэйр? – вымолвил он, и его глазах наконец-то появилось узнавание.

– Здравствуйте, господин Ховард, – зачем-то поздоровалась я, словно не он целый день тянул из меня жизненные соки, как хищная мухоловка из маленькой безобидной мухи.

– Ты очень выросла.

– Я окончила пансион.

– Уже? – удивился он. – Почему не написала, когда приедешь в столицу?

– Я писала вашему секретарю.

Мы задумчиво посмотрели в сторону открытой двери в приемную, и в кабинете повисло неловкое молчание. По всей видимости, личный помощник сбежал от господина Ховарда раньше, чем рассказал о скором визите подопечной. И случилась страшная неразбериха.

В конечном итоге больше всего повезло букету: он дождался вазу с водой и теперь на подоконнике счастливо грелся под солнечными лучами. От капли живительной магии первоцвет вернул свежесть и гордо поднял головки с желтыми мелкими соцветиями. Боярышник все еще обижался. Темно-зеленые жесткие листики ершились, а колючки щерились. Обидели благородное растение!

Обидчик, между тем, преспокойно сидел за столом, с живым интересом изучал мой диплом и постукивал пальцами по крышке стола. Буду честной, мои академические успехи назвать успехами не решится ни один оптимист... В мире еще не родился настолько неунывающий человек.

– У меня высший балл по ботанике, – заострила я внимание опекуна на единственной среди бесславных «удовлетворительно» достойной оценке.

Между прочим, ботаника – главная наука в жизни хозяйки цветочной лавки. Музицирование в составлении символичных и красивых букетов ровным счетом ничем не поможет.

Вдруг вспомнилось позорное «плохо» за арифметику, которое как бы тонко намекало, что эта девица плохо считает и денег до совершеннолетия ей лучше не давать. Глядишь, к двадцати одному году она, эта глупая цветочная фея, научится считать на пальцах.

– «Плохо» по арифметике поставлено незаслуженно, – быстро добавила я. – Там не просто «плохо».

– Еще хуже? – как будто удивился Ричард.

– Нет же! Мне снизили балл! – возмутилась я. – Там должно стоять «плохо» с плюсом, но плюсы в дипломы не пишут.

– Это они напрасно, – хмыкнул он, откладывая отвратительную бумаженцию, и взял в руки подсунутый вместе с дипломом отказ от опекунства.

Между прочим, документ составил муж моей лучшей подруги Джози. Он служит младшим помощником законника в Депшире и

счет в составлении официальных бумаг.

– Я обещал покойному отцу, что присмотрю за тобой до совершеннолетия, – произнес Ричард.

– Но я не могу вас обременять еще три года.

И ждать! Выставленный на продажу магазинчик на рыночной площади Депшира, идеальный под цветочную лавку, вот-вот уйдет в лапы грубого мясника. Хозяин, конечно, обещал придержать продажу, но не на три года!

– Ты меня не обременяешь, – уверил опекун.

В голове я судорожно перебирала достойные причины, по каким Ричард Ховард будет обязан отказаться от опекунства. Ведь заикнешься о собственном деле, не увидишь свободы и денег до второго пришествия Великого. Хотя, конечно, вряд ли пришествие случится после моего совершеннолетия.

И вспомнила причину! Не самая выдающаяся, конечно, идея, но других у меня просто не было.

– В следующем месяце я выхожу замуж, – мысленно скрестив пальцы, объявила я. – Мне больше не нужен опекун.

– Замуж? – Ричард удивленно изогнул брови, словно я собралась не замуж, а добровольцем на каменоломни. – Уже?

– Мне почти девятнадцать, – подсказала я.

– Почти, – выделил опекун. – За кого?

– За мужчину, – подсказала я (возраст все-таки, вдруг он чего попутает?). – Мы давно с ним знакомы. Целый год! Очень хороший человек. Нас представили на танцевальном вечере в пансионе.

А что по бальным танцам у меня «очень плохо», так не всем цветочным феям даются полька и вальс. Некоторым (мне) еще в колыбели драконы отдавили ногу. Заодно и ухо, поэтому музицировала я тоже из рук вон плохо. При моем появлении учебное фортепьяно так расстраивалось, что немедленно начинало фальшивить.

Ричард постучал пальцами по столу, о чем-то размышляя, и спросил:

– Где он?

– Кто?

– Жених.

– В Депшире, – мигом нашлась я.

– Он не приехал с тобой? – в голосе опекуна прозвучало возмущение. – Отпустил одну в столицу и даже не сопровождал?

– Но он посадил меня на почтовую карету и благословил на хорошую дорогу.

– Он проповедник? – резковатым тоном уточнил Ричард.

– Почему проповедник? – моргнула я. – Он... занимается продажей ручных драконов.

– И имя у него есть?

– Е-есть, – неуверенно протянула я.

И хотя контекст не намекал, но при слове «есть» перед мысленным взором появилась тарелка с наваристым рагу. Рагу хотелось страшно.

– Какое? – допытывался Ричард с въедливостью опытного сыщика.

– Красивое! – уверила я. – Патрик.

Какой еще Патрик?! В мире столько замечательных мужских имен: Фердинанд, Эдвард... Ронан, в конце концов. А Патриком зовут старого козла, живущего в маленьком зверинце при пансионе. Бородатого, рогатого, бодучего козла! От него, простите, молока нет, тем более какого-то толка.

– Пусть он приедет. Пригласи его, – потребовал опекун жениха «на ковер».

– Зачем? – испугалась я и даже чуток выпрямила спину.

– Хочу с ним познакомиться. Как твой опекун я обязан узнать, кому вверяю заботу о твоём благополучии, – пояснил Ричард и убрал бумагу с отказом в ящик стола. – Скажу больше, он был обязан официально просить твоей руки.

– Давайте вдвоем решим, – быстро предложила я. – Патрик уже попросил у меня руку и сердце, а сейчас он очень занят! У него как раз приплод родился... вылупился. В общем, драконы размножились и развелись. Дел столько, что поесть толком некогда.

На «поесть» в животе обиженно и громко заурчало. У меня вспыхнули от неловкости щеки. Опекун выглядел невозмутимым и неприступным. Бульканья не услышал, несуществующего Патрика по-прежнему осуждал. Бедный Патрик! И я не то чтобы бедная, но очень голодная.

– Поживешь в моем доме, пока он не придет, – даже бровью не повел Ричард. – Передам тебя... из рук в руки.

– Сегодня же ему напишу! – решительно пообещала я. – Вы убедитесь, что он достойный человек.

Осталась самая малость: найти этого человека. Достойного или не очень достойного – вообще без разницы. Мне с ним одну цветочную клумбу не копать и замуж не выходить. В смысле, по-настоящему не выходить.

В столичном особняке Ховардов мне бывать не доводилось – отец служил в загородном поместье, и осматривалась я с интересом. Дом походил на своего нынешнего хозяина: элегантный и совершенно негостеприимный. На стенах строгие ткани, под ногами наборный паркет. Ни одного живого растения!

Единственная цветочная композиция обнаружилась в просторной столовой. Окруженный фарфоровыми тарелками, прикрытыми серебряными колпаками, важно топорщил круглые головки букет из нахально-оранжевых бархатцев. Бархатцев, прости Великий! Символа горя и скорби.

Однако Ричарда, похоже, маленькая несуразность не беспокоила. Он сидел за обеденным столом и, почитывая газету, дожидался, когда я спущусь из выделенной мне спальни (скучная, ни одной даже маленькой маргаритки в крошечном кашпо).

Витающие в воздухе запахи еды после суток вынужденного гастрономического воздержания показались мне одуряющими. Мы с опекуном пожелали друг другу приятного аппетита, и ничто этот аппетит действительно не испортило. Ни лишние разговоры, ни каверзные вопросы о женихах. Ели мы в чудеснейшем гробовом молчании. Отличный обед!

И очень сытный. На втором горячем у меня чуток начало заканчиваться место, но рагу, которое всегда считала блюдом вечерним, попробовала из принципа. К десерту я сдалась: подперла щеку кулачком и принялась проковыривать дырочку в хрусткой карамельной корочке на нежном яичном креме.

– Не нравится? – поинтересовался опекун.

– Очень вкусно! – уверила я и тут же решила себя развлечь светской беседой, раз он первый, так сказать, открыл рот, чтобы не

вложить в него кусочек еды, а прервать молчание: – Господин Ховард, садовник вас не любит?

Опекун недоуменно изогнул брови.

– Бархатцы, – пришлось подсказать ему.

– Какие бархатцы? – не понял он.

Я указала подбородком на скорбную композицию посреди стола. Ричард невольно перевел взгляд. Вид у опекуна сделался такой озадаченный, словно он только что заметил оранжевое безобразие в составе обеденной сервировки и был этому открытию крайне удивлен.

– Свежие цветы каждое утро доставляют из цветочной лавки, – пояснил он.

– Но бархатцы – символ скорби, печали и горя. Исключительно – слышите? – исключительно дурной знак! – с жаром пояснила я, чувствуя, как лихо вскочила на своего любимого конька и готова понестись сумасшедшим галопом по словарям с флористической символикой. – Вы понимаете, что вам кто-то желает плохого?

– Эти цветы отпугивают комаров, – спокойно произнес Ричард, и от неожиданности я моргнула. – По вечерам комары залетают в открытые окна. В столовой поужинать спокойно невозможно.

Начиная безудержно заливаться румянцем, я почесала кончик носа и пробормотала:

– Комары, значит... Как практично.

Ночь в дороге давала о себе знать ломотой в теле и желанием свернуть челюсть от сонного зевания. После сытного обеда хотелось спать, но пришлось заняться насущными делами. Мне срочно требовался фальшивый жених, и я понятия не имела, откуда его откопать.

В смысле, не откопать! Это пахнет жуткой некромантией в худшем ее проявлении. Просто отыскать мужчину подходящего возраста, готового за небольшие деньги изобразить жениха и попросить у опекуна моей руки. Возможно, за отдельную плату.

Полвечера я убила на письмо к Джози. Опытная подруга наверняка даст толковый совет. Полагаю, все решили, будто я призываю несуществующего Патрика в столицу. Письмо тщательно запечатала и отдала дворецкому для пересылки в Депшир. И при виде вышколенного слуги мне пришло в голову, что людей наверняка нанимают по объявлениям!

Я утащила в свою скучную, но комфортную (прямо сказать) комнату дневную газету. На последней полосе отыскалось агентство по найму домашней прислуги. Понятно, что жених – не дворецкий и даже не горничная, но обещание «мы поможем с решением самых сложных кадровых задач» порядком обнадеживало. И они, мерзавцы, соврали!

На следующий день я кое-как отвертелась от сопровождения, которое Ричард хотел ко мне приставить из самых добрых побуждений («иначе заблудишься, придется сыскных собак нанимать»), и доехала до агентства. Не знаю, какие сложные задачи они на самом деле решали, но мне ровным счетом ничем не помогли.

Зато предложили обратиться в какой-нибудь театр на грани разорения. Перед лицом скорой отставки актеры, дескать, находятся в той степени отчаянья, что не гнушаются подозрительными постановками. А еще лучше наведаться в цирк! Женихов там, правда, не водилось, зато имелось с избытком клоунов. Они способны сыграть кого угодно: мужа, свекра и свекровь. Притом все роли одновременно сыграет один человек. Сплошная экономия для людей со скромным достатком.

В особняк я вернулась после обеда и в самом дурном расположении духа. По дороге за пару медяков купила фиолетовые фиалки в простеньком кашпо. «Глазастая» малютка жизнерадостно-цветущим видом была способна принарядить любую скучную обстановку. Но пока кэб добрался до дома от моего настроения цветок поник.

– Госпожа Виола, – встретил меня дворецкий, – как только утром вы уехали, доставили письмо от Патрика.

Ко мне было протянуто сложенное и запечатанное сургучом послание.

– Какого Патрика?

– Из Депшира, – пояснил слуга.

– Ох! – смущенно улыбнулась я, осознав, что практически выдала себя с головой. – Патрик из Депшира? Мой жених!

– Вам лучше знать, – с невозмутимым видом резюмировал дворецкий.

Не сходя с места, я вскрыла письмо и с подозрением глянула на слугу. Он деликатно отвернулся, а потом и вовсе проворчал:

– Обед накрыт. Господин Ховард дожидается вас в столовой. Еду уже два раза подогревали.

Я пробежала взглядом по нескольким строчкам, написанным изящным и понятным почерком Джози. Подруга велела ни о чем не беспокоиться и в середине дня встречать ее с междугороднего дилижанса. Она лично привезет мне жениха!

– Дорогой господин Ховард, у меня прекрасные новости! – радостно объявила я, забыв, что леди следует переодеться и не усаживаться за стол в том, в чем пыталась отыскать первого попавшегося под руку жениха.

– Вы купили цветы? – Без особого интереса он посмотрел на воспрянувшую фиалку с мелко дрожащими фиолетово-желтыми цветочками. Один отчего-то отвалился и, легко преодолев расстояние, плюхнулся аккурат в его чистую тарелку.

– И не только! Завтра приезжает Патрик.

– Безмерно рад, – отозвался опекун, будто бы вовсе не разделив моего позитивного настроения, и аккуратно сдвинул цветочные лепестки вилкой.

На следующий день ровно в два часа пополудни я с волнением стояла на шумном вокзале и следила, как из большой тяжелой кареты на шесть пассажиров, прибывшей из Депшира, выгружаются помятые путешественники. Наконец на воздух выпорхнула Джози, стройная блондинка в синем дорожном костюме и с лентой в тон на идеально уложенных волосах. Выглядела подруга прекрасно, словно не тряслась в карете много часов, а перенеслась в столицу по щелчку пальцев напрямик из салона красоты.

– Виола, а вот и мы! – воскликнула она и звонко расцеловала меня в обе щеки. – Все сложилось лучшим образом. Берри отправили в столицу по делам, и я приехала с ним.

С волнением я ждала, когда из кареты выберется фальшивых жених, но вылез ее муж Берримор, мужчина приятной округлости и обладатель мягкого характера. Подруга не просто вила из него веревки, а буквально завязывала бантиком.

Мы поздоровались. В руках Берри держал деревянную переноску.

– Вы завели котика? – недоуменно уточнила я.

– Какой котик? – хмыкнула подруга. – Это ручной дракон твоего жениха. Ты же сказала опекуну, что он разводит ручных драконов.

Взяла напрокат у Лоли. Надо непременно вернуть.

– А где жених? – с волнением уточнила я.

По всему получалось, что карета опустела, и ни одного лишнего пассажира из нее не выбралось.

– Так вот же он. – Джози указала на мужа, следящего за тем, как с крыши кареты отвязывают нарядный дорожный сундук, видимо, с вещами любимой супруги. – Твой жених Патрик.

Берри между тем обернулся к нам через плечо и приветливо улыбнулся.

– Это же твой муж Берримор, – недоуменно напомнила я.

– Вот именно! – с достоинством кивнула подруга. – Проверенный в свадебных делах мужчина с уникальным опытом удачной женитьбы. По-моему, лучше кандидата в женихи не придумаешь! Берри знает, как произвести хорошее впечатление на отцов. Даже моего сумел уговорить.

– У меня опекун.

– Тем проще. Опекуны не такие придирчивые и только ждут, кому вручить подопечную.

– И Берри согласился изобразить... ну... Патрика? – с сомнением прошептала я.

– Куда бы он делся, – едва слышно фыркнула Джози и громко спросила: – Ты же не против побыть Патриком, дорогой?

– Нет, моя розочка, – отозвался он.

За решетчатым окошком в деревянной переноске зашевелился ручной дракон. Видимо, проснулся от шума и гвалта, царящих на городском вокзале.

– Говорю же, что все чудесно сложилось! – хмыкнула она и, подхватив меня под руку, энергичной походкой направилась к вокзальным воротам.

Вокруг суетился народ. Я спотыкалась о выщербленную брусчатку и пыталась отогнать страшную мысль, что если обман неожиданно раскроется, то опекун заявит, мол, рано мне быть самостоятельной. И выдаст замуж. По-настоящему! За какого-нибудь своего такого же престарелого, но представительного знакомого. А мечты о собственной цветочной лавке придется похоронить на веки вечные.

– Какая шикарная карета! – восхитилась Джози, когда мы добрались до экипажа Ховарда, поджидающего меня на вокзальной площади.

Дорожный сундук перегрузили с тележки носильщика на заднюю полку, с комфортом разместились в салоне и отправились в особняк. Втроем. Вернее, вчетвером, если считать дракона в переноске. Утомленный заточением, он скреб деревянные стенки, изредка шипел и требовал выпустить гордое животное размять крылья. Так бесился, что Берри переставил ящичек с коленей на сиденье рядом.

– Ни о чем не беспокойся, Виола, – уверила подруга. – Берри будет чудесным Патриком. Мы отрепетировали все вопросы еще во время нашей женитьбы. Скажи, дорогой, сколько твой ежегодный доход?

– Достаточный, чтобы моя супруга никогда не знала нужды, – послушно ответил он.

– Видишь? – улыбнулась мне Джози. – А где вы познакомились с невестой?

– В кафе.

– Нет! – приобретя вид строгой преподавательницы изящной словесности и генерала боевых магов одновременно, рывкнула подруга. – Вы познакомились на танцевальном вечере в пансионе. Год назад. Когда ты попросил у своей невесты руку и сердце?

– Когда? – уточнил у меня Берри.

– Недавно, – ответила Джози.

– А если спросят про драконов? – спросила я, наблюдая, как в просвете между решетками переноски появился недобрый драконий глаз, желтый и с вертикальным зрачком.

– Берримор прекрасно разбирается в домашних питомцах, – уверила меня подруга.

– Вы держали ручного дракона? – наивно уточнила я.

– Собаку, – меланхолично отозвался Берри.

– Ну, тогда не о чем беспокоиться, – в тихом ужасе отозвалась я.

К прискорбию, должна заявить, что Берримор Уинслет был хорошим человеком и, может, неплохим помощником законника, но отвратительным собеседником. По всей видимости, уговаривал отца Джози он, а уговорила сама Джози.

– Видишь? Берри – чудесный Патрик. – подруга ободряюще потрепала меня по колену. – Кстати, почему Патрик?

– Случайно.

– Так звали козла в пансионе, – припомнила она.

От неловкости поерзав на сидении, я нервно покосилась на Берримора и не нашла, что ответить. По дороге еще выяснилось, что побыть моим женихом он может только сегодня. Завтра ему надо снова превратиться в младшего помощника законника и к восьми утра оказаться в нотариальной конторе по заданию шефа, а послезавтра его вообще ждали в Депшире.

– Но Берри бесподобно очаровательный! – нахваливала мужа Джози не хуже профессиональной свахи. – За один вечер управимся, а завтра еще по торговым домам погуляем. Я пообещала Лоли, что за дракона куплю ей кружевные перчатки.

Особняк Ховардов вызвал в подруге большой восторг. Берримор молчал, я страшно нервничала и украдкой обтирала о платье вспотевшие от волнения ладони. Дракон в клетке буйствовал и пытался кусать решетки.

Опекун поджидал нас в большой гостиной. По случаю знакомства с женихом он остался дома и сейчас, сидя в глубоком кресле с высокой спинкой, читал какую-то рукопись. Когда мы вошли в широко раскрытые двустворчатые двери, Ричард отложил бумаги и поднялся. Под его внимательным взглядом хотелось провалиться под наборный паркет и сверху закрыться дощечками.

– Господин Ховард, – едва не задыхаясь от волнения, воскликнула я, – а вот и мой жених Патрик!

– И его сестра Джози, – вставила подруга и добавила: – Родная. Очень приятно познакомиться.

Возникла странная пауза. Опекун переводил взгляд с мужа на жену. Всем было очевидно, что родные «брат и сестра» похожи приблизительно, как строгий тюльпан и беспечная сирень. Другими словами, никак не похожи: ни цветом, ни мастью.

– Бе-батрик, – чуть не оговорился Берримор, отчего мне сделалось чутко дурно, – Патрик Уинслет.

Мужчины пожали руки.

– Вы старше, чем я себе представлял, – заметил опекун.

– Просто я с дороги, – высказался мой фальшивый жених. – Это вам.

Он протянул переноску в сторону Ричарда. Мы немножко все опешили от того, что Берримор внезапно решил завести в чужом доме чужого ручного дракона. По-моему, дракон Лоли в том числе.

– Вы мне его дарите? – искренне испугался Ричард.

– Ни в коем случае! Мы только, так сказать, показываем. – Джози заставила мужа опустить руки и состроила страшные глаза. – Братец продал дракона соседке Лоли. Так ведь, братец?

– Ничего не знаю, – заупрямился тот. – С пустыми руками в гости не ходят.

Кажется, посреди гостиной Ховарда намечался задорный семейный скандал!

– Патрик, ты не с пустыми руками! – нашлась я. – Ты привез сам себя, а еще сестру. Господину Ховарду вполне достаточно.

– Согласен, – в голосе опекуна прозвучала благодарность. – А дракона зачем привезли?

– Показать, – еще раз повторила Джози.

От внезапных даров и порывов нас, как ни странно, спасла горничная. Она вкатила тележку с чаем и печеньями. Расселись, куда придется. Опекун занял место в любимом кресле (на него никто и не претендовал). Мы попытались разместиться втроем на двухместном диванчике, а когда не удалось, Берримору пришлось усесться на стул. В общем-то, он походил на школьника перед сложным экзаменом.

– Благодарю, – тихо пробормотал горничной, когда та подала чашку с чаем, и немедленно отхлебнул, словно в горле от волнения совсем пересохло.

Некоторое время мы вели светскую беседу о погоде, смене времен года и прочих событиях в нашем славном королевстве. Говорила по большей части Джози.

– Так что, Патрик, собираетесь в Дэришфорт? – как будто между делом спросил Ричард и сделал маленькой глоток чая. А у самого взгляд холодный, острый и расчетливый.

– Зачем? – чуток поперхнулся Берримор.

У меня дрогнула рука. Через край чашки по фарфоровой резной стенке прочертились чайные дорожки и собрались на блюдец.

О королевской выставке ручных драконов в приморском городе не знал разве что... младший помощник законника из конторки в Дэпшире, который ни разу не добирался в газете до полосы со светскими хрониками.

— На выставку, Патрик, — сседила Джози, никогда не пропускавшая сплетен. — Ты забыл о королевской выставке? Мы говорили, что непременно туда отправимся.

— Ты хотела выгулять вечернее платье, — исключительно не вовремя блеснул он памятью.

— А ты драконов! — нервно улыбнувшись, прошипела она и тут же обратилась к Ричарду: — И, конечно же, Виола поедет вместе с Патриком.

— Всегда хотела посмотреть на море! — поддакнула я.

Может, Дэпшир и был похож названием на приморский шумный город, но находился на самом севере Пармиины. От моря там имелись разве что открытки с живописными видами большой воды.

— И вообще, господин Ховард, наш Патрик прекрасно зарабатывает! — решила пойти по знакомому свадебному сценарию Джози.

— Ваша дочь ни в чем не будет нуждаться, — воспрял духом Берримор.

Возникла натужная пауза.

— Виола — моя подопечная, — сухо заметил Ричард.

— И Патрик всерьез намерен жениться на вашей подопечной! — выкрутилась Джози, когда я уже решила, фигурально выражаясь, двинуть кони от ужаса. — Мы хотим ее принять в дружную и любящую семью. Мой брат от Виолы без ума!

— Заметно, — хмыкнул опекун. — Не вижу никаких препятствий к этому браку.

Он произнес заветные слова, и я едва не подпрыгнула от радости.

— Господин Ховард, спасибо! Пойду собирать вещи?

— Придется подождать неделю, Виола. — спокойно пояснил коварный опекун. — И вы с Патриком непременно сможете заключить крепкий семейный союз. Передам тебя из рук в руки.

— Зачем ждать? — возмутилась я. — Вот Патрик с руками. Ваши руки тоже при вас. Давайте сейчас меня передадим.

– Стряпчему надо оформить отказ от опекунства и бумаги на наследство. Я обязан позаботиться о тебе, как завещал мой отец.

Перед мысленным взором изящная вывеска на цветочной лавке с кружевными литерами и изящными завитушками «Цветочный переполох» превратилась в «Птица, потроха и свежее мясо». Без завитушек. Кровавым цветом. А в витрине вместо сочных разноцветных гербер – копченый свиной окорок.

– За это время успеем купить приданое, – добавил Ричард.

– Какое еще приданое? – поменявшись в лице, выдавила я.

– Как минимум свадебное платье и... Что там еще идет в приданое? – самым светским тоном спросил Ричард у Джози, видать, чуток обалдевшей от того, как повернулось дело.

– Фарфоровый сервиз на двенадцать персон, – внезапно поделилась она собственным опытом и, смущенно отвернувшись от меня, прихлебнула остывший чай.

Боги, зачем мне сервиз, на кой свадебное платье, если никто в этой комнате не собирается жениться по-настоящему? А двое из четверых и вовсе женаты. Друг на друге, прошу заметить!

– Господин Ховард, очень ценю вашу щедрость, но обойдусь без сервиза! – решительно отказалась я. – И Патрик обойдется без сервиза. Особенно на двенадцать персон! У него столько знакомых нет.

– Не могу же я отпустить тебя с пустыми руками. Поползут нехорошие слухи, – для чего-то настаивал он.

– Мы никому не скажем.

– Но я намерен до конца выполнить волю своего покойного отца. Он очень тебя любил.

– Будем честны, он меня почти не знал. И вы меня тоже почти не знаете. Может, еще под руку под венец поведете?

– Вообще... – Ричард изогнул брови, – неплохая идея.

Я поняла, что в сердцах едва не подвела саму себя под монастырь, вернее, под брачный алтарь, и пробормотала, густо краснея:

– Если подумать, сервиз всегда в хозяйстве пригодится. Половина тарелок побьется, еще половина останется.

– Но на свадьбу-то вы меня пригласите? – с хитрецей уточнил Ричард.

– Да как же мы можем отвлекать от важных дел такого занятого человека? – изобразила я искреннее сожаление. – Сервиза будет

вполне достаточно. И свадебного платья. Вы и так сделаете больше, чем мы могли рассчитывать...

Обсуждать резко сделалось нечего. Некоторое время мы просидели в исключительно неуютном молчании. За спинкой дивана даже притих заключенный в деревянную темницу дракон. Намекая, что пора заканчивать со знакомством, Ричард уточнил, где именно мой жених и «его сестра» остановились в столице. Выяснилось, что у двоюродной тетушки Уинслет. Опекун неожиданно любезно предложил Джози провести несколько дней в его доме: скрасить заложнице обстоятельств одиночество и поучаствовать в покупке приданого. Подруга была полна энтузиазма!

— Благодарю от всей души! — воскликнула она. — Патрику надо немедленно уезжать из столицы, но я с удовольствием погощу. Слышала, господин Ховард, вы издаете разные книжки?

— Слухи вас не обманули, — вежливо отозвался тот, но заметно напрягся.

— Моя подруга Лоли, та самая, которая купила дракона, пишет удивительные в своей глубине романтические истории. Совершенно непохожие на те, что сейчас выпускают пачками. Штучный товар, знаете ли. Она в поиске издателя.

Мне вспомнилась рыдающая писательница с рукописью романа, вылетевшая из рабочего кабинета опекуна, и вдруг сделалось мучительно стыдно.

— По-моему, остановиться у тетушки — прекрасный план, — выпалила я, и Джози недовольно поджала губы.

— Мой дом открыт для вас в любое время, — немедленно обратился к Берримору опекун, ловко «забыв» упомянуть его энергичную «сестрицу». — Приезжайте навестить невесту.

Наступило время расходиться по своим делам. Мы поднялись со своих мест. Я понятия не имела, как попрощаться со своим женихом, который вообще-то чужой муж. Даже за руку стыдно взять! Скорее всего мы погорели бы на этом щекотливом моменте, но спасение пришло, откуда не ждали. Переноска оказалась пуста!

— Где он? — озадачился Берримор, в большом удивлении рассматривая пустую исцарапанную когтями внутренность драконьего вместилища.

Джози подергала мужа за рукав и молча указала пальцем под диван. На полу сидело удивительной расцветки пухленькое существо: гребень ярко-розовый, крылья в горошек, а хвост в полосочку! Разве что морда драконья и глаза злобные.

– Это какая-то особая порода? – искренне удивился Ричард.

– Нет, его просто покрасили, – предположила я и тут же пояснила: – У Патрика клиентоориентированный питомник.

Все молча повернулись к Берри, который не торопился проявить себя хозяином клиентоориентированного питомника и никак не пытался вытащить нарядного питомца из-под дивана.

– Братец, извлеки же его и посади в переноску! – цыкнула Джози, так сказать, пиная мужа в нужную колею. – Ты же умеешь управляться с ручными драконами.

– Ко мне, дракон! – не особенно уверенно скомандовал Берри.

В тишине раздалось отчетливое утробное рычание, какого совершенно не ждешь от столь нелепого и почти комичного создания. Сам того не замечая, Ричард задвинул меня за спину, заставив любоваться, собственно, спиной в пиджаке, и подставил себя на съедение разноцветному зверю размером чуть больше кошки.

Полосато-горошковая жертва провинциальной моды вырвалась из убежища и со всех лап, крыльев и хвоста рванула к чайному столику и влезла в вазон с печеньками. В тихом недоумении мы следили, как дракончик с чавканьем набивает толстенькое пузико сладостями, и в разные стороны сыплются крошки.

– У него заворота кишок не случится? – тихо спросил Ричард.

Как дрессировщик Берримор Уинслет оказался совершенно безнадёжен и каждый его жест словно кричал, что на самом деле перед нами не хозяин питомника, а помощник законника, ничего в драконах не смыслящий. Заманить крылатого обжору в переноску удалось не командами, а кусочками свежей ягнятины. При виде сырого мяса он влетел в темницу с такой радостью, словно его не кормили неделю.

– А вы его кормили? – не удержалась я.

«Брат с сестрой» очень странно переглянулись и, пока им не задали еще каких-нибудь неловких вопросов о содержании домашних драконов, ретировались из особняка. Мы с Ричардом вздохнули с облегчением. Хотя, наверное, мне стоило состроить печальную мину.

Наутро пришло крайне печальное письмо от Джози. В доме мужниной тетки случился пожар! Оказалось, что кормить драконов тем, что боги, повар в особняке и вазончик с печеньями послали, запрещено. Без специального корма крылатые питомцы плюются пламенем. И живое доказательство того, что мой «жених Патрик» действительно держит питомник драконов, к ночи начало икать дымом, а потом изрыгнуло из пасти настоящую струю пламени. Портьеры напрочь уничтожены и кое-что еще по мелочи. Конечно, если мелочью можно назвать одну стену в гостиной.

Тетушка Уинслет пьет валерьяновые капли, разбавленные в ликере «Мандраж». Дракон от шока впал в сон и не подает признаков подвижности (возможно, тетушка и его напоила волшебным ликером). Берри в подпаленном пиджаке отправился в контору стряпчего, а Джози лежит в постели с кошмарной мигренью и не способна делать покупки.

Новости пришли во время завтрака, когда я прихлебывала чай, недобро косилась на свежий букет бархатцев посреди обеденного стола и ломала голову, как избежать фарфорового сервиза и «что там еще покупают на приданое». В общем, не было бы счастья, да несчастье помогло. Прости, Джози, но никто не заставлял с собой тащить дракона!

– Все хорошо? – небрежно уточнил Ричард.

– Все плохо! – Я убрала из голоса неуместную радость и добавила уместного трагизма. – У Джози случились неприятности, и она никак не может со мной поехать в торговый дом. Лучше съезжу на цветочный рынок...

– Я поеду с тобой.

– Зачем? – насторожилась я.

– Помогу выбрать.

– Вы же ничего не смыслите во флористике.

– Если цветочки на чашках, то вполне смыслю, – пряча за темными ресницами ироничный взгляд, пояснил он.

– Ричард, обождем с посудой! – стараясь выглядеть убедительной, я даже придвинулась поближе, положила ладошку на его покоящуюся на столе руку и заглянула в глаза. – Осмотритесь вокруг.

– Полагаешь, пора делать ремонт? – уточнил он, не пытаясь освободиться.

– У вас бархатцы на столе!

– Хорошие цветы.

– Просто доверьтесь мне! Езжайте в свой издательский дом и издавайте книжки! Я могу сама превратить этот особняк в цветник. Иначе куковать вам до старости в компании ужасных бархатцев. И не надо меня благодарить. Не отвлекайтесь от важных книжных дел.

Мы синхронно посмотрели на наши сомкнутые руки. Неожиданно пришло осознание, как сильно я перестаралась в актерском порыве. Даже прикоснулась к мужчине! К опекуну. Первой! Быстро отцепилась. И вцепилась в чашку.

– Сегодня выходной, – через паузу вымолвил Ричард.

– Да неужели?

– И я готов посвятить его тебе, – улыбнулся он.

– Благодарю, – мрачно отозвалась я.

– Тогда собирайся, – предложил он.

Фарфоровый сервиз и прочее приданое надвигались на меня, как снежный оползень на хрупкий росток, неосмотрительно проклюнувшийся на горном склоне.

– Уже собрана, – вздохнула в ответ.

Ричард бросил на меня странный взгляд и промолчал, но чуть позже, проехав по каменным солнечным улицам города, наша карета остановилась возле ателье готового платья с нарядно одетым манекеном в витрине.

– Пойдем, – скомандовал опекун. – Думаю, у госпожи Тельмы ты найдешь все... что нужно юной девушке.

Хотела воспротивиться, дескать, мне ничего не нужно, и без того предстоит купить свадебное платье и бесполезный сервиз (вот далась ему эта посуда!), но переодеваться было решительно не во что. Собираясь в столицу, я не подозревала, что застряну в особняке Ховардов на долгое время и взяла с собой катастрофично мало вещей: смену белья и пару чистых блузок. Уже три раза они возвращались ко мне из стирки, надоели хуже сорной травы.

И я понятия не имела, сколько, оказывается, разных вещей требуется юной девушке. У меня за все восемнадцать (почти девятнадцать) лет не было такого количества нарядов, какое принесли в примерочную комнату. От расцветок, цветочных рисунков и

разнообразия тканей голова шла кругом, словно на поле с дурман-травой.

Госпожа Тельма давала указания помощницам: укоротить, подшить на боках и даже, прости Великий, расставить в груди! Понятия не имею, за что боги надо мной пошутили и щедро одарили там, где цветочным феям надлежало быть негромоздкими, как тонкокостные эльфийки.

На каждое веление хозяйки белошвейки шустро принимались вытаскивать булавки из подвязанных на запястьях игольниц и втыкать. В наряды, само собой, а не в меня. Хотя было страшно, что мне чуток достанется.

– Настоящая фея! – Госпожа Тельма одернула на мне летнее платье с вышитыми на подоле мелкими фиалками и протянула кружевные перчатки. – Еще надо шляпку, и твой жених забудет не только свое имя, но и как дышать!

Немедленно в комнату для примерок притащили изящную соломенную шляпку с лентой в тон платью и водрузили мне на голову, прикрыв непослушные темные вихры. Зеркало отразило юную леди, а вовсе не цветочницу из маленького Дэпшира, мечтающую о собственной цветочной лавке и теплице с экзотическими орхидеями. Такая элегантная девушка вообще никогда не держала в руках ни тяпку, ни совок, ни секатор для резки стеблей.

– Иди, порази жениха в самое сердце, – лукаво скомандовала хозяйка ателье.

– Но господин Ховард мне не жених, – слабо запротестовала я, неожиданно оттесняемая к дверям примерочной комнаты, – он мой...

– Образцы свадебных платьев доставят вместе с повседневной одеждой утром второго дня. И я искренне рекомендую выбрать пару бальных фасонов, – не обратив внимания на смущенный лепет, произнесла хозяйка ателье.

– В ближайшее время я не планирую посещать балы, – пробормотала я.

– Но на следующей неделе у герцогини Эттвуд вечеринка, – произнесла госпожа Тельма, словно мне о чем-то говорило имя герцогини. – Господину Ховарду наверняка пришло приглашение.

Понятия не имею, какой светский раут на следующей неделе планировал посетить опекун, лично мне предстояло обустроить

цветочную лавку и рассаживать по стеклянным бокалам забавные суккуленты. Если я, конечно, переживу это свадебное недоразумение.

Он дожидался окончания примерки в кресле для таких же, как он, несчастных мужчин, вынужденных сопровождать дам в утомительный день покупок, и с большим интересом читал рукопись. Работу в выходной день Ричард предусмотрительно прихватил с собой. Сразу видно, что человек опытный.

– Я готова, – произнесла я и огладила платье. – Мне идет?

– Очаровательно, – отозвался Ричард, не отрываясь от чтения. – Все выбрала?

– Даже с запасом.

Он убрал листы в плотную кожаную папку и поднял голову. Взгляд остановился на мне, и опекун начал медленно меняться в лице.

– Что? – заволновалась я. – Слишком вызывающе? Выбрать другое платье?

– Не стоит. – На его губах расцвела мягкая улыбка. – Ты чудесно выглядишь.

До сервиса на двенадцать персон мы, к счастью, не добрались. Ричард показал мне королевскую оранжерею, и мир растворился за превеликим множеством самых разнообразных растений, о каких только могла мечтать настоящая цветочница. Кажется, у меня на некоторое время случилось помутнение рассудка от переизбытка восторга. Внезапно я обнаружила, что в съехавшей на затылок соломенной шляпке тычу пальцем в комнатную розу, обсыпанную мелкими бутонами чайного цвета, и звенящим голосом объясняю опекуну, почему он хочет заполучить этот шикарный, сильный и физически здоровый куст в свой особняк. Пока его не увел из-под носа кто-нибудь другой, более сведущий в тонкостях флориографии.

– Вы ни о чем не будете жалеть! – убеждала я. – Роза – символ любви. Счастливый знак! В отличие от ваших старомодных бархатцев.

Домой я возвращалась совершенно счастливая, бережно обнимая ладонями горшочек с только-только проклюнувшейся несмелой мухоловкой. Она была такая крошечная, что даже не успела выказать крошечную игольчатую головку.

– Теперь вашей столовой не страшен ни один комар! – любовно рассматривая хрупкий стебелек, объявила я.

– Как скажешь, Виола, – хмыкнул Ричард.

Но расслабляться оказалось рано. Проклятуший фарфор нагнал меня на следующий день! Как и положено приличному хозяину книжного дела, с утра опекун отправился публиковать книжки и выбирать картинки в откровенные романы, но о сервизе-то не забыл. Он прислал записку, что обо всем договорился: меня ждут в час пополудни в выставочном зале и непременно подберут отличную посуду от известного керамиста Люция. Не опаздывать!

Единственный гончар, известный мне, в дэпширской мастерской лепил рыжие глиняные горшки, украшал их орнаментами из кружочков и квадратиков, а потом на выходных на рыночной площади продавал по пять медяков за три штуки. К нему можно было прийти в любое время, даже ночью, и обязательно достанешь кучу домашней утвари разной степени необходимости.

Скрипнув зубами, я нацепила на голову новую шляпку, со злостью натянула кружевные перчатки и уселась в экипаж. Времени оставалось с запасом, так что хватило навестить Джози. Вообще, была у меня надежда, что подруга не против поглазеть на дорогостоящий фарфор, но она оказалась в разобранном состоянии и в самом унылом настроении.

Крутя в руках баночку с нюхательной солью, она простонала с дивана, что никак не может поехать за покупками. Берримор подхватил переноску со спящим драконом и укатил в Дэпшир, а дорогую супругу оставил в доме тетюшки. По официальной версии, чтобы помочь разобраться со страшным квартирным бардаком, но на самом деле оставил в заложниках.

– Теперь никакой королевской выставки драконов! – пожаловалась Джози. – Все деньги уйдут на ремонт этого дома.

Я посмотрела на почерневшую стену с обгоревшими обоями, вдохнула полной грудью запах гари, несмотря на открытые окна стоящий в воздухе, и согласилась, что ремонт предстоит грандиозный.

– Но ты не переживай, – уверила меня подруга. – В конце недели Берри должен вернуться. Он непременно заберет тебя от опекуна!

В выставочный зал с фарфором от известного керамиста я входила в гордом одиночестве и от царящей вокруг музейной строгости чуток оторопела.

Посреди торгового зала, похожего на галерею, стоял сервированный по всем правилам стол. На шелковой однотонной

скатерти блестели белые, как лепестки нарциссов, тарелки с тонкой золотистой каемкой, сверкали хрустальные бокалы и начищенные до блеска ряды столовых приборов, выложенных в строгой обеденной иерархии. Складывалось впечатление, будто, расставляя посуду, служащие магазинчика каждую позицию сверяли с учебником по этикету.

– Госпожа Фэйр, мы вас ждали! – всплеснув руками, безошибочно, словно получила с утра портрет, воскликнула служащая в белом форменном переднике. – У нас вы найдете все, что нужно!

– Сервиз на двенадцать персон, – отчеканила я, боясь шевелиться, чтобы случайно не сбить локтем с подставки какую-нибудь ужасно дорогую чашку.

Но до сервизов пришлось прорываться через ряды другой посуды, изящных статуэток и прочих вещей, очень необходимых в доме любого уважающего себя аристократа. У каждой пузатой супницы оказалась история и биография поинтереснее моей собственной. Заслушалась!

– А вот и свадебный сервиз, – представила мне посудную витрину продавец.

Оказалось, что я даже отдаленно не представляла грандиозность этого произведения керамического искусства. Такое количество тарелок и чашек не перебьешь до конца жизни. Еще внукам останется что поколотить во время задорного скандала.

– Мило, – улыбнулась я. – Сколько?

От озвученного ценника на голове зашевелились волосы, и из-за них шляпка съехала на затылок.

– Может, у вас есть что-то... с менее радикальной стоимостью? – стараясь говорить отстраненно, уточнила я.

Если уж покупать приданое на фальшивую свадьбу, так хотя бы не за космические деньги. Иначе съест совесть! Конечно, никто не собирался забирать гору фарфоровой посуды в Дэпшир, но вряд ли Ричард Ховард мечтал внезапно обзавестись дополнительным сервизом на дюжину гостей.

– Есть! – вдруг обрадовалась девушка и шустренько, подхватив под локоток, подвела меня к посудной горке. Держала крепко, словно боялась, что я вырвусь и сбегу. Но отступать было некуда: дома Ричард, который желает непременно подарить подопечной праздничную посуду.

На полках за чистым стеклом, как бедные родственники, ютились кружечки, громоздились пирамиды разновеликих тарелок. Стояла посуда как придется, втиснутая в узкое пространство, словно ее отправили ссылку и заперли в темнице.

Каждый предмет был украшен розовой лилией, символизирующей тишину и молчание. Значение мне не очень нравилось: вроде как за обедом следовало жевать, а не вести светские беседы. Но на деревянной ручке висела табличка с надписью «скидка».

– Что не так с этим сервизом? – уточнила я. – Он с браком? Сколы, трещины? Или не блестит?

– Да как вы могли такое подумать, госпожа! – с наигранной обидой в голосе воскликнула девушка и даже всплеснула руками, не убоявшись ничего смахнуть с полочек. – Лучший в Пармиине фарфор. Любимая работа мастера Люция! Лично создавал, запекал и проверял. Особая вещь для особых ценителей!

– Какой замечательный сервиз... – поохала я и скомандовала: – Упакуйте.

Вернувшись в особняк, с открытым ртом я остолбенела на пороге. Холл был заставлен горшками со всевозможными комнатными растениями. Шагу не ступить!

Воздух, обычно пахнувший строгим благовонием, намекающим, что в доме живет одинокий мужчина со слугами и без ручного дракона, пропитался сладким ароматом цветов, свежей листвы и сырой земли. В общем, пахло, как в оранжерее. Той самой, которая перекочевала в дом опекуна.

– Привезли днем, как только вы отбыли по делам. Втроем затаскивали, – с надрывом пожаловался дворецкий и, поморщившись, невольно потер поясницу. – Что нам с этим всем делать?

Хотела сказать: прятать, но вспомнила, что Ричард тоже участвовал в безобразии и не попытался меня остановить. Великий боже, запустил цветочную фею в оранжерею!

– Расставлять, господин дворецкий! – скомандовала я. – Сейчас превратим этот дом в цветущий сад.

Главное, чтобы в цветущий, а не в сад, хозяин которого сошел с ума. Какое счастье, что в угаре я не потребовала купить какое-нибудь деревце...

Посреди гостиной в большой пузатой кадке обнаружилось миниатюрное мандариновое деревце, усыпанное оранжевыми круглыми, как мячики, плодами.

– Хорошо, не туя, – резюмировала я, складывая руки на груди.

Ничего в туях не было плохого, но их часто сажали возле могил на кладбищах.

– Велели передать, что завтра еще привезут клематисы, что бы это ни значило, – добавил дворецкий.

Перед мысленным взором появилась густая лиана, усыпанная с виду хищными ярко-фиолетовыми цветами с мохнатой лупоглазой сердцевинкой, и чуть дурно не сделалось. Ими украшали арки, садовые качели... заборы, но что делать с цветущими зарослями в особняке?

– И куда Ричард смотрел? – вдохнула я, вдруг осознав, насколько приятно, когда в доме есть мужчина, на которого можно свалить собственный промах. – Сумасшествие какое-то...

Вообще, так недолго действительно задуматься о замужестве. Где-нибудь сглупила и назначила виноватым супруга. Удобно же!

– Госпожа Виола, оставим посреди гостиной или переставим... в кабинет? – последнее слово дворецкий произнес с трагической интонацией.

Казалось, верный слуга уже предчувствовал, как, благоухая ментоловыми растирками, неделю пролежит на лечебном коврике с иголками. Горничные с горшками комнатных амариллисов в руках испуганно зашептались.

– Побойтесь бога, я не настолько жестока, – проворчала я и огляделась, пытаясь прикинуть, куда лучше приткнуть целое дерево. – Просто сдвинем в угол.

Мы с дворецким посмотрели в единственный пустой угол гостиной, явно не пустующий зимой.

– А что, ваш хозяин на зимние праздники наряжает ель?

– Каждый год, помоги нам Великий! Ни разу не пропустил, – поделился дворецкий с таким унынием, словно лично, взобравшись на лесенку, водружал на макушку праздничного дерева керамического ангела работы мастера Люция, а потом кубарем скатывался на пол и обязательно повреждал лодыжку. Может, так оно и было.

– Видимо, больше не будет, – на выдохе пробормотала я себе под нос.

Следующие два часа я с азартом носилась по комнатам, а следом за мной слуги с горшками цветов. Все устали в строгом соответствии с флористическим словарем. Любо-дорого посмотреть! Последний кустик розовой азалии пристроили возле окна в столовой.

Правда, пушистая красавица означала умеренность во всем, и вышел тонкий намек, дескать, дорогие гости, не объедайте хозяев. Но, как показала практика, благородные люди совершенно безграмотны в вопросах цветочного символизма, а места все равно нет. Завтра еще привезут клематисы! Хоть советуй Ричарду расширять жилплощадь.

И только закончили, как привезли приснопамятный сервиз. Несли в трех больших коробках друг за другом. Не придумав ничего получше, я попросила посуду отправить в чулан возле кухни. Кажется, весь штат прислуги, включая дворецкого, вздохнул с облегчением. Видимо, испугались, что придется вытаскивать из шкафов старую посуду и заменять на новую.

Еще мне вручили шкатулку, запертую на крошечный подвесной замочек.

— Подарок от мастера Люция самому любимому покупателю, — отдав ключ, пояснил носильщик и шустро скрылся за дверью, словно боялся, что все фарфоровое богатство придется везти обратно.

Заинтригованная, я проверила содержимое шкатулки. Обложенное ватой, внутри лежало цветочное кашпо, идеальное для пересадки ненаглядной мухоловки. Такое кашпо не стыдно поставить на стол вместо куцей вазы с противными бархатцами. Да оно станет жемчужиной в любой обеденной сервировке!

Пересаживала мухоловку в кухне, а рыхлую землю засыпала серебряной ложкой — за неимением нормальных садовых инструментов. Не знаю, как у повара не случилась остановка сердца.

Подозреваю, с сегодняшнего он будет запирать двери кухни, чтобы больше меня туда не пускать. У него-то на подоконнике поселился горшок с мятой, а использовать ее в еду ему строго-настрого запретили. Так и представлялось, как он тихом обрывает пахучие листики, пока я не вижу, и бросает в кипящую кастрюлю.

Мухоловку пока определила в свою спальню на подоконник рядом с веселой фиалкой. Она-то цвела, как не в себе, радуясь любому солнечному лучу. Экзотическому растению, призванному избавить дом от комаров, я добавила чуточку магии, чтобы капризуля креп и рос.

Над кашпо раскрылся золотистый полупрозрачный кокон, и даже на секундочку показалось, будто пухлые губы фарфоровой рожицы начали улыбаться.

— Госпожа Виола, — постучав, в спальню вошла горничная, — господин Ховард передал вам записку.

Обтерев руки о полотенце, я приняла послание. Ричард писал, что у него вечером деловая встреча. Вернется он поздно. «Ужинай без меня», — велел опекун.

Если подумать, мне никогда в жизни не приходилось есть одной. В пансионе все девушки обедали в столовой, и трапезы проходили в шумной компании. Да и в особняке я ни разу не оставалась за столом наедине с сервировкой и дурацким букетом из бархатцев. Ужинать без Ричарда решительно не хотелось.

За окном стемнело. Время подступало к десяти вечера, но он не появился. Я начала волноваться. Посидела за накрытым столом, походила туда-сюда по холлу, каждый раз замирая от грохота проезжающего по улице экипажа. Ни один не остановился.

Усевшись на ступеньку лестницы, я подперла щеку кулачком и принялась ждать, невольно поглядывая на настенные часы. Стрелки, как в насмешку, словно замерли на одном месте. И когда дверь особняка отворилась, впустив Ричарда, сердце от радости подскочило к самому горлу. Казалось, что застывший в ожидании хозяина и принаряженный комнатными растениями дом снова наполнился жизнью.

— Добрый вечер! — выпалила я, соскочив со ступеньки, и бросилась его встречать.

— Почему ты здесь? — озадачила он.

— Вас дожидаюсь. Давайте помогу снять пиджак!

Подоспевший дворецкий впечатлился, как шустро я справляюсь с раздеванием хозяина, и молча скрылся в недрах дома.

— Смотрю, у нас... — Ричард огляделся, — посвежело. И стало много цветов. Разных.

— Зато теперь дом похож на дом, а не на гостиницу, — бодро объявила я. — Где такое видано: ни одного живого цветочка в приличном особняке! Кстати, вы зачем мне позволили купить мандариновое дерево?

— Чем бы цветочная фея не тешилась, — пошутил он.

– Вот именно! В оранжереях у цветочных фей случается помутнение рассудка, но вы-то здравомыслящий человек. Могли остановить.

– Запомню, что нельзя покупать больше одного растения за раз, – улыбнулся Ричард.

– И такого, чтобы я могла унести его в руках, – нравоучительно добавила я. – Вы, наверное, очень голодны и устали? Ужин уже накрыт. Пойдемте. Я составлю вам компанию.

При мысли о еде желудок скукожился. Ричард замер, как-то странно вздохнул, словно проверяя, сколько у него внутри имелось места для ужина, и уточнил:

– Ты не ела?

– Да что-то аппетита не было. – Я дернула плечом.

– В таком случае, никак не могу отказаться от компании.

И голодный опекун еле-еле жевал, словно еда не шла впрок. Зато я уплетала за обе щеки и ему не забывала подкладывать.

– Надо есть! – приговаривала тоном кухарки из пансиона. – В вашем возрасте важно правильно питаться, иначе будете плохо себя чувствовать. Или вы решили похудеть?

– По-моему, похудеть мне сегодня не грозит, – пробормотал он.

– Если не хочется рагу, съешьте отбивную! – скомандовала я и, подхватив щипцами самый большой сочащийся кусок, плюхнула ему в тарелку рядом с горкой тушеных овощей. – Жуйте побыстрее! Вон сколько еды. Знаете, как говорили в пансионе? Пока не съешь все на тарелке, из-за стола не встанешь. Но там никто и не вставал, еще добавки просили.

У Ричарда сделалось такое лицо, словно его пытались закормить до смерти. Он перевел дыхание и взялся резать мясо в тарелке на мелкие кусочки.

По спальням мы разошлись ближе к полуночи. Перед сном я проверила мухоловку. Магия сильно подсушила землю. Оставлять капризное растение без полива не позволила совесть, а воды в комнате не осталось ни капельки. Даже себе не придержала, если ночью захочется промочить горло.

Подхватив графин, я быстренько спустилась на первый этаж. Дом уже успел заснуть. В комнатах царила таинственная тишина, и только в кухне горел свет. Кто-то звенел баночками. Оказалось, что Ричард в

пижаме и раскрытом шелковом халате перебирал бутылочки в плетеной корзинке и проверял названия.

– Доброй ночи, – с непроницаемым видом поприветствовала его я и прошла к большому глиняному кувшину с питьевой водой.

– И тебе.

– Деловая встреча проходила в ресторации? – догадавшись, что не накормила человека, а по доброте душевной насильно затолкала в него еду, спросила я.

– Да, – невозмутимо отозвался он.

– Второй ужин отказывается перевариваться? – самым светским тоном уточнила я.

– Как и первый, – согласился он.

Отодвинув опекуна от каменного кухонного прилавка, я быстро вытащила нужное средство и протянула ему. Хотелось ехидно спросить, не жала ли пуговка на брюках, пока он сидел за столом, но невозможно насмешничать над человеком, который рискнул здоровьем, чтобы составить компанию оголодавшей девушке.

Подозреваю, что ночь у Ричарда выдалась трудная, а у меня неожиданно трудным сделалось утро. В сладкий сон, в котором я расставляла горшочки с фиалками на полочке в собственной цветочной лавке, вдруг ворвался неуместный звук громкого чавканья. А потом хриплый мужской голос, как у пропитого докера, громко простонал:

– Матушка, вставай! Чадо кушать хочет.

Волосы на голове зашевелились! Я резко подскочила на кровати и оглядела пустую комнату испуганным взглядом. Утро едва-едва расцветало, и в окно лился жиденький туманный свет. На подоконнике в фарфоровом кашпо стояло страшное существо с крепким зеленым стеблем, редкими резными листьями и большой головой с игольчатой пастью. И это существо, выросшее вместо хрупкой мухоловки, жадно чавкало и дожевывало мою фиалку!

Внезапно кашпо, выказав пугающую подвижность, развернулось. Рожица на ней оказалась живой и была совсем не умильной, а ужасающей, как смерть целого цветника! Глаза моргали, кончик носа шевелился, а губы кривились в кровожадной улыбке.

– Ну, что ты хлопаешь глазами? – проговорила посудина этим своим голосом замшелого пьянчуги. – Цветочек уже закончился. Мы хотим кушать. Завела? Корми!

От страха в голове чуток помутилось. Я вскочила на кровати во весь рост и пронзительно завизжала. Потом подумала, что самое время упасть в обморок, но с треском распахнулась дверь в спальню и на пороге возник взлохмаченный Ричард.

– Виола, что случилось? – воскликнул он.

Трясущимся пальцем я указала в сторону подоконника.

– Отец нашелся! – проскрипело кашпо.

– Оно живое? – не веря своим глазам, переспросил опекун, а потом с самым решительным видом сделал шаг в комнату.

Мухоловка резко открыла игольчатую пасть. Раздалось агрессивное шипение.

– Сожру! – рыкнул горшок, скорчив страшную рожу под стать ощеренной цветочной башке.

– Шею сверну, – процедил Ричард.

– Мама, спаси! – заверещал горшок фальцетом и, обнаружив две тонкие ножки с утиными лапками, норовисто соскочил с подоконника. – Дядя, не надо! Не убивайте!

Оживший кошмар садовника бросился наутек. Утекать, правда, в спальне было особенно некуда, поэтому он кинулся под ноги Ричарду. Сдавленно ругаясь и демонстрируя на зависть красивые па из польки, тот заскакал на месте, но кровожадная мухоловка успела цапнуть его за шелковую пижамную штанину. С клоком ткани в клыках, сноровисто перебирая тонкими ножками, цветок ринулся к распахнутой двери.

– Стоять! – выкрикнула я и слетела с кровати.

В прямом смысле слова «слетела». Нога запуталась в одеяле и, взвизгнув, рыбкой я нырнула вниз.

– Виола, осторожно! – воскликнул Ричард, подхватывая меня на руки.

Мы замерли, ошарашенные внезапными объятиями. Я крепко прижималась к твердой груди опекуна, чувствовала тепло, исходящее от его тела. Сердце вдруг затрепетало, дыхание перехватило. Обнаружить, что господин Ховард не просто какой-то опекун-изверг, лишаящий меня мечты о собственной цветочной лавке, а мужчина с сильными руками, умеющий прижимать к себе так, что кружится голова, оказалось ошеломительно и стыдно.

– Давайте его догоним, – прошептала, к собственному смущению остро чувствуя, как горячие ладони умело и уверенно сжимают мою талию.

Стараясь не встречаться глазами, мы отстранились друг от друга, а потом и вовсе отошли на шаг, во избежание неловких недоразумений.

В коридоре вдруг загрохотало. Переглянувшись, мы ринулись вон из спальни на спасение мухоловки и дружно остолбенели, удивленные открывшимся беспорядком. Цветочное недоразумение в говорливом кашпо, раззявив пасть и размахивая листьями, зигзагом несло по коридору. Следом с оголтелым видом скакал дворецкий в полосатой пижаме, с сеточкой на волосах и со шваброй руках.

Увидев нас, перекрывших двери спальни, страшилка резко вильнула и со звоном вмазалась в стену. Она замерла, не шевелясь. Башка на длинном стебле истерично тряслась.

Тяжело дыша, дворецкий выставил вперед себя швабру и проблеял:

– Я услышал крики, а потом увидел это! Уходите, хозяин, я вас защитю... защищу... спасу от страшного монстра!

– Плохие вы, – проскрипела мухоловка, вернее, горшок с мухоловкой, – уйду я от вас.

– Оно говорящее, – пробормотал дворецкий, закатил глаза и рухнул в обморок.

В общем, день в особняке начался очень рано и выдался беспокойным. Мухоловку я нарекла Патриком, в честь козла, живущего в пансионе, но все подумали о несуществующем женихе. Зубастое чадо ходило за мной хвостиком и шипело на горничных. Жутковатое зрелище!

Когда привезли злополучные клематисы, любящие тепло и простор, пришлось кадку с кустом поставить в угол столовой. Патрик немедленно налопался горьких соцветий и едва не скончался.

– Да как же цветок может есть цветы? – ругалась я, приводя беднягу в чувство.

Он выплюнул пережеванные фиолетовые лепестки и притворился немым.

Вечером мадам Тельма привезла в особняк купленные наряды и пяток свадебных платьев, упакованных в матерчатые чехлы. Примерку решили устроить прямо в гостиной. По этому случаю поставили

высокое напольное зеркало, чтобы будущая новобрачная рассмотрела себя с ног до головы. И пусть мерить ненужную вещь не возникало желания, отказаться я тоже не могла. Невеста обязана выбрать самое главное платье в своей жизни.

Под оханья приехавших вместе с хозяйкой ателье белошвеек я втиснулась в белый кружевной наряд, открывающий плечи. Позволила подвести себя к зеркалу.

— И фата, — добавила госпожа Тельма, водружая мне на голову венок с пышной белой вуалью. — Идеально! Господин Ховард будет ослеплен, когда встретит вас у алтаря.

— К счастью, слепота ему не грозит. Господин Ховард мне не жених, — пояснила я, радуясь, что, в отличие от прошлого раза, теперь-то меня внимательно слушают. — Он мой опекун.

— Ой, да бросьте, милочка, — фыркнула хозяйка ателье, оправляя на мне пышную атласную юбку. — В этом году провалилась ярмарка невест. Пустой сезон. Все приличные холостяки женятся на своих подопечных. Поверьте, вас никто не осуждает. Вы, так сказать, даже на пике моды.

— Но мы не на пике... — отчаявшись донести до женщины правду, вздохнула я.

Дверь гостиной открылась бесшумно, и в зеркальном отражении появился Ричард, только-только вернувшийся из издательского дома. Он на секунду остановился, брови взметнулись на лоб. Я резко развернулась и едва успела подхватить съехавшую на затылок фату, не закрепленную заколками.

— Добрый день, дамы, — мягко поздоровался Ричард.

— Господин Ховард, что вы делаете? — спросила Тельма. — Видеть невесту в свадебном платье — очень плохая примета!

— Думаете, что сбежит? — с иронией хмыкнул он и, сунув руки в карманы, неспешно пересек гостиную.

Я следила за его приближением. В груди неожиданно стало тесно, словно в комнате перестало хватать воздуха, но, скорее всего, просто слишком туго затянули корсет.

— Оставьте нас, дамы, — попросил Ричард всех удалиться.

Девушки быстро покинули гостиную. Госпожа Тельма, неожиданно подмигнув мне, тихо закрыла дверь. Мы остались одни.

— Нравится платье? — спросил Ричард.

– Оно мне не нужно, – ответила я, отводя глаза. – Бессмысленная покупка. Просто не смогла отказать госпоже Тельме в примерке...

– Почему оно тебе не нужно? – перебил опекун.

От его острого взгляда, стало не по себе и захотелось спрятаться.

– Мы с Патриком не собираемся устраивать пышную церемонию. – Я дернула плечом. – Просто подпишем бумаги в Ратуше.

– Вот как? – как-то неприятно усмехнулся Ричард и кивнул: – Возьми платье. Оно красивое.

Он развернулся и направился к выходу.

– Но зачем оно мне? – воскликнула я.

– В шкаф повесишь, – не оборачиваясь, бросил опекун.

Дверь захлопнулась. От удивления я даже моргнула. Платье пришлось оставить и действительно повесить в гардеробную. В комнате у Ричарда. В маленький шкаф в гостевой спальне пышный кружевной наряд, мечта любой невесты, действительно планирующей выйти замуж за любимого мужчину, просто не поместился.

Пару суток в особняке царила тишь. Про благодать ничего не могу сказать – неделя подходила к концу, документы на передачу наследства были почти готовы, и у хозяина дома все сильнее портился характер. От его энергетики скукоживались слуги и цветы!

Зато благодаря монструозной мухоловке из комнат исчезли все комары. Прожорливый цветок носился за ними, как оглашенный. Мухи тоже пропали. Да и вообще все, что могло летать, жужжать и чирикать.

Слуги перестали обращать внимание на дерзкие попытки мухоловки самоутвердиться, щелкая игольчатой пастью. Просто шикали на нее, проходя мимо, дескать, Патя, пасть закрой, и обращали в трусливое бегство, погромче притопнув ногой.

А потом в особняке обнаружился призрак! Он засел в чулане и что-то тихо шептал, доводя до истерики новенькую горничную. Испуганная прислуга сгрудилась возле чулана. Смелый дворецкий приготовил самое страшное орудие против нечисти – священную швабру.

– Там кто-то говорит, – с надрывом в голосе делилась испуганная горничная, и женщины вокруг нее осенили себя знаком Великого бога. – Я проходила мимо, а в чулане кто-то разговаривает. Глянула, но там пусто!

– Посторонитесь, – заставил разойтись прислугу Ричард, пребывающий в самом паршивом настроении.

Когда он резко дернул на себя дверь чулана, народ выдал испуганный вздох и качнулся назад. Внутри ничего особенного не обнаружилось. На полках стояли коробки с эмблемой известного керамиста Люция, отца, так сказать, нашего болтливого кашпо. И в душу мне закралось страшное подозрение...

– Господин Ховард, вы не отвлекайтесь от своей важной работы. Мы тут сами как-нибудь справимся, – не особенно дипломатично отправила я Ричарда, чтобы своим мрачным видом не стращал прислугу. – А то напечатаете книгу с ошибками, стыда не оберетесь.

Едва он скрылся в своем кабинете, я попросила перенести коробки с новым сервизом в кухню и с замирающим сердцем начала проверять содержимое. Аккуратно доставала тарелки и чашки, смотрела их на свет и складывала на длинном кухонном столе. Ни один предмет не подавал признаков жизни. В прямом смысле этих слов.

Чувствуя себя по-глупому, я уперла руки в бока и тут заметила, что повар вкрадчивым движением сунул в раззявленную пасть Патрика кусочек булки.

– Мухоловку хлебом не кормить! – отрезала я, заставив одного участника преступления против здорового питания вздрогнуть, а второго захлопнуть пасть. – Сдохнет.

– Тогда дай вкусной водички, – скрипуче прохныкала мухоловка, вернее, живое кашпо, но для всех обитателей особняка они стали неделимы. Без разницы кто из них чавкал и жевал все, что не прибито гвоздями, а кто болтал и нес несусветную чушь.

В кухне появился дворецкий, уже успевший куда-то спрятать смертельное оружие против живых цветов и привидений и приобрести очень сосредоточенный вид.

– Госпожа, – преисполненный внутренней гордости, обратился он ко мне, – герцогиня Эттвуд приехала с визитом. Господин Ховард велел проводить мадам в гостиную, попросил пригласить вас, а что подать не сказал.

Он выжидательно посмотрел на меня.

– Что? – не поняла я.

– Что подать?

– Понятия не имею, мы с герцогиней не знакомы. Я не знаю ее вкусов.

В голове всплыло смутное воспоминание о том, как хозяйка ателье Тельма рассказывала о герцогине, планирующей развлекать светское общество на своем балу.

– Торт? – предложил дворецкий. – Герцогиня уважает шоколадное пралине.

– Давайте торт, – согласилась я, – и чай.

– Кофе, может быть?

– И тогда уж лимонад.

Герцогиня Эттвуд оказалась похожей на гортензию: в пышном голубом платье, высоком парике в тон и с кокетливой мушкой над верхней губой. Цветок означал «бессердечность», и что-то мне подсказывало, что наша, вернее, эта герцогиня тоже была весьма бессердечной сплетницей.

Ричард, поднявшийся со своего любимого кресла, представил нас. Я замялась, не зная, куда приткнуться. Садиться возле гостьи на двухместный диванчик не хотелось. Пришлось занять приставной стульчик, на котором совсем недавно восседал Берримор Уинслет и пытался изображать из себя фальшивого жениха. Сидеть оказалось жестко. Зато стало ясно, отчего он все время елозил. Мне-то казалось, что от нервов.

– Значит, это и есть цветочная фея, превратившая дорогой особняк в оранжерею, – разглядывая меня через маленький бинокль, проговорила герцогиня.

Что сказать? Никогда не любила гортензии. Но милую улыбку изобразила.

– В хорошем смысле, – немедленно оговорила она. – Дом выглядит по-другому. Особенно мне понравилось мандариновое дерево. Надо непременно поставить такое в своей гостиной.

Почти полчаса она с азартом рассказывала о том, что по столице пошло странное поветрие. Все холостяки женятся на своих подопечных. Дескать, те выпустились из своих пансионатов, а теперь приличным невестам не хватает благородных мужей.

Пока она рассказывала светские сплетни, нам привезли тележку с разными вкусностями, какие нашлись в закромах у повара. На подносе стоял высокий кофейник, пухлый чайник, кувшин с лимонадом.

Фарфор был украшен лилиями. Похоже, слуги случайно обновили свадебный сервиз, а я-то ломала голову, под каким предлогом оставить его опекуну. Как удачно получилось!

Ричард ошибки, естественно, не заметил и спокойно принял из рук горничной чашку с кофе.

– Виола только окончила пансион, – невозмутимо пояснил он.

– Да неужели? – У герцогини сделалось пресное лицо, но от куска шоколадного торта на десертной тарелке она не отказалась. – Вообще-то, господин Ховард, я приехала лично пригласить вас на бал. Приходите со своей...

– Подопечной, – кивнул Ричард, всем своим показывая, что точно знает, для чего приехала гостя.

Похоже, до нее дошли слухи, что в доме Ховарда тоже поселилась коварная выпускница пансиона благородных девиц (чтоб им пусто стало, этим пансионам) и уже практически захомутала очередного холостяка. Теперь у половины дебютанток столицы случится затяжной траур, и на бал к герцогине Эттвуд они явятся в черном.

Она отломала кусочек торта и только положила его в рот, как тихий звонкий голос, звучащий ниоткуда, проговорил:

– Дорогуша, ну куда ты в себя закладываешь сладкое? Тебе и так не помешает похудеть.

Я оцепенела. Ричард поменялся в лице. Дама подавилась, отставила тарелку на кофейный столик и схватилась за чашечку с кофе.

– В вашем возрасте, мадам, надо пить теплое молоко, а не кофе. Давление будет шалить, – проговорила чашка.

И немедленно стало ясно, отчего именно этот сервиз продавался с большой скидкой и нас называли самыми любимыми покупателями. Где известный керамист еще найдет таких глупцов?

– Это работа великого Люция! – пунцовая в цвет амариллиса, выпалила я. – У него фарфор разговаривает!

– А какие песни исполняет! – прогудел кувшин для лимонада и глубоким басом, расплескивая лимонное питье, начал исполнять гимн нашей славной Пармиины. Хорошо, что не скабрзную песню, хотя у Ричарда сделалось такое лицо, словно его обругали бранными словами.

Герцогиня вылетела из дома, как ошпаренная, словно вдогонку ей неслась мухоловка Патрик. В смысле, он очень хотел подогнать

расфуфыренную даму, но хулигана заперли в чулане. В том самом, где прежде хранили сервиз.

– С другой стороны, герцогиня мне никогда не нравилась, – задумчиво проговорил Ричард, следя за тем, как проклятуший сервиз упаковывают обратно в коробки, чтобы припрятать на дальние полки. – Невыносимо болтливая.

Стало очевидным, что теперь по столице поползут самые отчаянные сплетни. И мы с опекуном в них уже жили в грехе. В таком грехе, что нас не спасет ни одно покаяние.

Когда на следующий день пришла записка от Джози, в которой она просила меня срочно приехать на важный разговор, я почти была уверена, что слухи докатились до сожженной драконом гостиной тетушки Уинслет. Каково же было мое удивление, когда я увидела подругу рыдающей в платочек.

– Виола, у меня страшная весть! – воскликнула она, хорошенько высморкавшись. – Берримор со мной разводится!

– В смысле – разводится? – не поверила я своим ушам.

– В самом прямом! Вчера прислал письмо, что ни за что не хочет оставаться моим мужем. Назвал меня своенравной, деспотичной и угнетающей! Понимаешь? Я угнетаю его мужское достоинство! Было бы что угнетать. Накапай мне валерьянки, а то руки трясутся.

Ошарашенная новостями, я налила в стакан воды и начала отсчитывать капли. От внезапно пришедшей в голову страшной мысли рука дрогнула, и из флакона выплеснулся целый поток остро пахнущей настойки. Вздвигая стакан, в три глотка я прикончила успокоительное и проговорила:

– Выходит, что у меня больше нет жениха?

– Какого еще жениха? – на секунду перестав всхлипывать, хриплым голосом спросила Джози.

– Патрика! – воскликнула я. – Берримор больше не будет Патриком.

– Не напоминай мне об этой ужасной истории, – категорично заявила подруга. – Патрика он тоже упомянул. Сказал, что никогда в жизни так не позорился перед уважаемым господином и продолжать не собирается.

– Но что же мне делать? – в отчаянье спросила я. – Как же цветочная лавка?

– Найдем тебе другого жениха, – отмахнулась она. – Или лучше скажи, что Патрик сбежал от семейной жизни. Бросил замечательную невесту на произвол судьбы, неблагодарный паршивец. И Берримор поступил так же. Боже великий, да мы теперь почти кармические сестры!

В особняк Ховардов я возвращалась в растрепанных чувствах. В голове не было ни одной идеи, что делать. Мне так близко удалось подобраться к мечте о собственной цветочной лавке! Оставалось протянуть к ней руку, но мечта опять упорхнула за линию горизонта, и добраться до нее не было никакой возможности.

Стоило войти в холл, как дворецкий передал просьбу Ричарда немедленно зайти к нему в кабинет. Казалось, на плечи опустилась тяжелая каменная плита, не позволяющая выпрямить спину. Хорошо, что успела принять лошадиную дозу успокоительного. Без валерьянки, наверное, расплакалась бы.

– Заходи, Виола, – пригласил опекун, когда с замирающим сердцем я поскреблась в дверь его кабинета. – Присаживайся.

Он указал на кожаное кресло для посетителей.

– Как дела у подруги? – деловито спросил Ричард.

– Ошарашила одной новостью... – медленно проговорила я и быстро облизала пересохшие губы.

– Бумаги на отказ от опекунства и передачу наследства готовы. – Он вытащил из ящика стола две кожаные папки и положил на затянутую зеленым сукном крышку. – Твоему жениху придется подписать брачное соглашение. Он ведь не против его подписать?

Мы встретились глазами. Сердце на мгновение остановилось, и я выпалила на одном дыхании:

– Патрик сбежал!

– Куда? – удивленно уточнил Ричард.

– Не знаю, но далеко.

– Ничего страшного, мы его непременно догоним, – как ни в чем не бывало отозвался он. – Сейчас свяжусь с сыскным агентством...

– Не надо! – Я по-настоящему испугалась и, прикрыв глаза, проговорила: – Патрика нет.

– Так он сбежал или умер?

– Его просто нет! – Мне было страшно посмотреть на опекуна. – Я его придумала, а муж Джози согласился мне подыграть. Нет

никакого жениха и свадьбы не будет.

– Неужели? – В голосе Ричарда прозвучала ирония.

Я вскинула голову и уставилась на него. Опекун откинулся в кресле и смотрел с откровенной насмешкой. Внутри похолодело.

– Так ты догадался с самого начала? – выдохнула я.

– И дал тебе неделю, чтобы рассказать правду. Сначала решил, что твой Патрик – простой мошенник и хочет денег, но потом стало ясно, что вы с ним практически незнакомы. Так зачем тебе деньги, Виола?

– На цветочную лавку, – призналась я. – Хочу самостоятельной жизни и открыть цветочную лавку... Ты теперь меня выдашь замуж, так ведь? За кого-нибудь другого. Я даже платье уже купила.

– И сервиз, – любезно добавил Ричард.

– Да, и его тоже купила.

– Завидная невеста с приданым. – Опекун словно издевался.

– Все-таки выдашь... – пробормотала я себе под нос.

Между нами повисло долгое молчание. Не сводя с меня испытывающего взгляда, Ричард вымолвил:

– У меня даже кандидат есть. Он не против цветочной лавки и даже грядок на заднем дворе, если тебе захочется оранжерею.

– Кто? – едва дыша, прошептала я. Чувствуя, как по спине проходит озноб.

– Я.

У меня натуральным образом отпала челюсть.

– Но почему ты хочешь на мне жениться? – выдохнула я, отгоняя от себя странную мысль, что полюбила особняк Ховардов, и хозяин этого особняка, мужчина с сильными руками и крепким телом, умеющий издавать книжки с картинками, мне тоже очень нравится.

– Ты превратила мой дом в оранжерею, завела клыкастую мухоловку, ославила меня на всю столицу, отпугнула всех невест и сплетниц. Я просто обязан взять на себя ответственность и жениться на тебе.

– Но ты же мой опекун! – воскликнула я. – Что люди подумают?

– А люди, – он весело улыбнулся, – пусть завидуют молча.

Мы поженились спустя месяц, оскорбив герцогиню Этвуд второй раз. Она рассчитывала лично устроить венчание, а на нее забыли возложить столь важную миссию. Джози с Берримором тоже

присутствовали в храме. Муж вернулся к подруге, и она вела себя как шелковая.

Через некоторое время недалеко от издательства «Ховард и сын» открылась цветочная лавка, единственная во всей столицы, где продавались букеты, собранные по строгим канонам флориографии. На любой вкус: праздничные, прощальные, приветственные. И знаете, я едва не натравила на мужа мухоловку Патю, когда этот... страшный мужчина торжественно вручил мне заказанную вывеску.

На деревянной табличке кружевными красивыми буквами было выведено «Цветочное недоразумение».

– Что тебе не нравится? – недоумевал Ричард.

– Какое еще недоразумение? – ругалась я. – Здесь должен быть «Цветочный переполох»!